

РИСОВАТЬ АЛКОГОЛИКОВ МОЖНО И НА ТРЕЗВУЮ ГОЛОВУ

Иногда новости прямо-таки сражают наповал. Как тут поверить: известный и любимый народом художник из популярной московской газеты Алексей Меринов... бросил пить. Совсем! Абсолютно! Представить Лешу в редакционном баре попивающим кефир?... Ничего абсурднее и придумать невозможно. А может быть, просто оклеветали человека?... Еще питаю такую надежду, я связываюсь со старым приятелем по электронной почте...

Александр МИТРОФАНОВ

— Леша, это правда, что ты в за-
вязке? Когда узнал — не поверил...

— Я лишний раз утвердился во мнении, что нас погубят не НАТО с дефолтами, не совершенно сжавшиеся озоновые дыры, а отечественные и международные праздники. Гулял так, что трезвые завидовали мертвым. Сам посудите: только избавился от сухости во рту после всевозможных Новых Старых годов, как в феврале пришлось избавляться от дрожи в чреслах, справив День Защитника Отечества. Весь март, вплоть до дня рождения, мучительно вспоминал: сколько же мне лет? Не успел в апреле извиниться перед работниками общепита за невинные шутки в любимых клубах, как уже в глаза капит «этот Май-баловник». Если в гегемонический Первомай «солидаризировался» много, но как-то без аппетита, то уж к 9 Мая вышел на передовую. Отмечал с таким остервенением, что к концу недели у немногочисленного окружения сложилось стойкое мнение: этот воевал сам, причем непонятно, на чьей стороне. Подробности я, пожалуй, опущу... Самому не очень ясно, откуда появились неизбывная грусть и кусок водосточной трубы в прихожей... Очевидно, трофей. Вот так, с песнями, плясками и самой большой печенью в квартале, я и подошел к новому периоду в своей «творческой» деятельности. Помните, у Пикассо был «розовый» период, у меня, стало быть, — «трезвый».

— И надолго завязал?

— Меня доктор смутил. Он сначала ласково шептал: «У нас есть два способа. Или мы вас кодируем на два года, но можете при случае раскодироваться... Или на полгода — но без раскодировки». А потом ка-а-ак заорал: «Мы, специалисты, — за второй способ! А вы?!» Я вздрогнул и с испугу быстро прокричал в ответ жалобно, но обнадеживающе: «Я с вами, врачи всего мира!!!» Было забавно. Ручки от дверей эскулапы-вредители носят исключительно в карманах. Задают пугающие выверенные вопросы и сами же на них отвечают — не иначе как подглядывали. А самое увлекательное, это когда на тебе же пробуют эффективность лекарства. Ты лежишь, думаешь о светлом и вечном, а дяденька реаниматолог вдруг объявляет торжественно, как мажордом на приеме: «А теперь мы с вами (!) проверим, как же действует наш препарат». И капает в твой ничего не подозревающий рот немного спирта. Ты, как и положено, охотно бьешься в конвульсиях, пускаешь пену, теряя сознание, а он удовлетворенно констатирует: «Так, давление падает. Это хорошо». В общем, набрал впечатлений для новых картин.

— А твое новое состояние не влияет на качество работы?

— На качество моей работы может повлиять только резкое сокра-

щение поголовья дураков в руководящих органах нашего государства. Поэтому я спокоен, как удав после удачной вечеринки с кроликами. Парадоксально, но делать тот же мною любимый «алкоголический» цикл можно и на трезвую голову. Впечатления-то сохранились. Получается, что я сейчас рисую «мемуары». Кроме того, увлекся (мягко сказал) поиском и отобра-

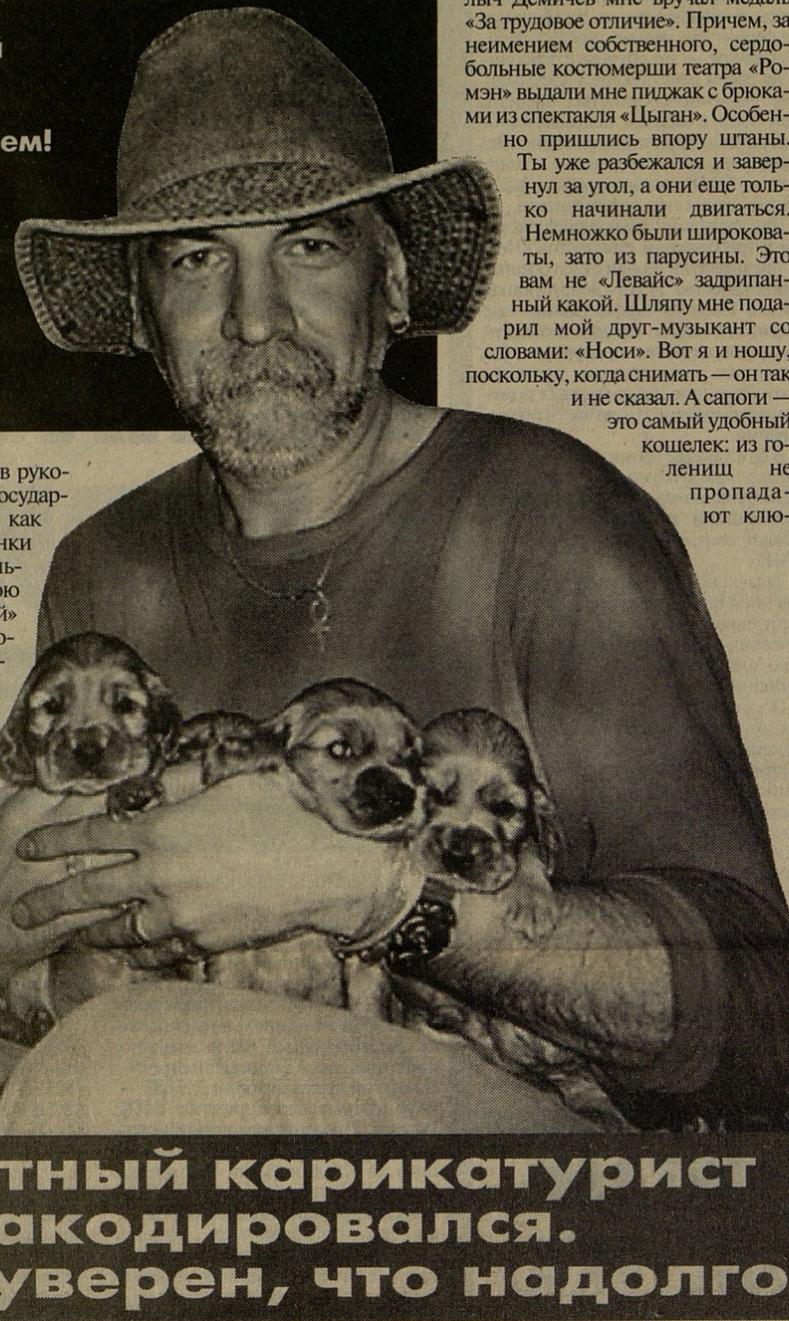
«Художник не пьет — у него на руках дети»

Известный карикатурист закодировался. Но не уверен, что надолго

жением ранее не известных деталей биографии Булатина, папы Карло, Мальвины и Карабаса. Как выяснилось, не все так однозначно в их жизненных путях. За некоторые поступки и мысли этой «семейки» мне настало стыдно, что пока не решаюсь опубликовать откровенные «факты», показывая только друзьям. Спасибо демократии и свободе слова — ничего святого не осталось. А впереди еще разоблачения личной жизни Коллоба и страстный памфлет о трилличности Змея Горыныча. Так что валяю дурака пуше прежнего.

— Но, наверное, ходишь теперь такой мрачный, угрюмый?

— Мне-то смутно казалось, что я и раньше не хохотал сутками напролет. Хотя любоваться сим миром тверезым взглядом иногда действительно тяжело. Но ведь истинный художник сам должен через все пройти, попробовать, прочувствовать. Кстати, стал я гораздо спокойнее. Если в «мятежный» период посылал сразу, то теперь только после того, как достигну в уме до двадцати. И на пожелание коллеги в редакционном буфете приятного аппетита не отвечаю: «Денег не дам», а приближному его по-братски и, лишь, дождав бутерброд, мягко говорю: «А твое какое дело». Да что там, каждый день открываю для себя много нового. Оказывается, можно не только закусывать, но и просто завтракать. А у птичек — надо же! — в огромном большинстве — не четыре ноги, а две. Но это мелочи. А вот как наемный узнал, что любимая дочка Даша переходит в ле-

гич Демичев мне вручал медаль «За трудовое отличие». Причем, за неимением собственного, сердобольные костюмерши театра «Ромэн» выдали мне пиджак с брюками из спектакля «Цыган». Особенно пришлось впору штаны. Ты уже разбежался и завернул за угол, а они еще только начинали двигаться. Немножко были широковаты, зато из парусины. Это вам не «Левый» задрипаный какой. Шляпу мне подарил мой друг-музыкант со словами: «Носи». Вот я и ношу, поскольку, когда снимать — он так и не сказал. А сапоги — это самый удобный кошелек: из голенищ не пропадают клю-

сый класс, несколько дней изумленно молчал, приводя в порядок отповские чувства.

— А друзья не разбежались?

— Пытался неоднократно представить себя с товарищами жадно поедающими крем-брюле в каком-нибудь кафе-мороженом «Пугливый Зайчик». Бился головой об стену, заходил в истерику, рвал тельник на груди — не клеится картина. Поэтому в первое время на очередной тусовке очень хотелось надеть тапак с салатом на голову ближайшему сотрапезнику. Смотришь на него, разбушлатившегося в слякоть минут за двадцать, и думаешь настороженно: «Мама моя, неужели и я такой был?» Но друзья мои, сами неоднократно прошедшие истязания «Вермудом Розовым» (0,75 литра, цена 2 руб. 50 коп.), твердо знают все-таки разницу между непьющими и «защитыми». Первых, безусловно, только дуетом, а вторым — зеленые планки за ранения на грудь, почет и памятник на Родине их наркологу! Хотя странно, но факт: если на целый вагон метро будет один-единственный пьяньский пейзаж, он непременно окажется рядом со мной и обязательно задаст пару-тройку неформальных вопросов. Терпеливо отвечаю.

— Твое новое состояние отразилось на имидже? Широкую шляпу, джинсы и ковбойские сапоги, должно быть, поменял на костюм с галстуком?

— Саш, костюм я надевал последний раз в 1985 году, когда министр культуры СССР Петр Ни-

Джимми Хендрикса, концертных, редких, таких в Москве — единицы. Так что обогащаюсь исключительно духовно.

— Теперь можно и за руль сесть?

— У меня, естественно, есть недоброжелатели, но чтоб вот так — давить без разбора ни в чем не повинных пешеходов?.. Из всех автомобильных премудростей пока научился двум — «втопить» зажигалку (и, тут же забыв о ней, судорожно искать огниво по всем карманам) и небрежно открывать переднее окно. Меня жена возит, кстати, всем рекомендую. Кругом завидуют. Сядешь неторопливо, коснешься ее плеча и молвишь с ленцой: «Трогай, любезная». И по гостя-я-ям. И по други-и-и-им. А обратно на заднем сидении, аки Стенька Разин в челне, да с песней «Раскинулось море широко!» И тебе хорошо, и она город-герой Москву узнает в подробностях. В данное время, правда, без дремы на заднем сидении, но в остальном — без изменений.

— Какими средствами теперь с хандрой борешься? Или такая беда тебя не посещает?

— Банально, но выручает работа. Ночь, кухня, TOM WAITS дружелюбно хрипит из магнитофона, хороший чай, сигареты — удивительное состояние приходит. Получается абсолютно все: сюжеты вылетают, как пули из анкиного пулемета, позы, мимика героев, пластика, шутки и остроты — в этом мне равных нет. Под утро забудешься безмятежным сном, проснешься, подойдешь к столу... Батюшки! Это что ж за бред сивого мерина-то нарисован? Вот так и спасаюсь: днем переделываю ночные «шедевры» — на уныние просто времени не хватает. Можно также увлечься пешими прогулками. При моем наиразвитейшем топографическом кретинизме любой выход за куревом в ближайший переулочек превращается в увлекательную борьбу за выживание. То есть, к примеру, ежели я ушел от Смоленки на Старый Арбат, то вернусь наверняка со стороны Парка культуры. Это мое свойство никак не дает ослабевать лобопытству и любви к родному городу. А что может быть лучшим лекарством от хандры, чем любовь?

— Но какие-то дурные привычки ты себе оставил или уже с нимбом ходишь?

— Он, увы, безвозвратно утерян во время одного из бесконечных гуляний. Ты же знаешь, у нас, святых, порядки строже, чем у самых заскорузлых партийцев, — членский нимб дважды не выдается. Да и потом, что ты считаешь вредными привычками? Выпить с друзьями, самую малость, дня три-четыре? Выйти за газетой и наутро задушевно поприветствовать семью из телефонной будки на Невском проспекте? Попытаться залезть в Лондоне на колонну Нельсона? Там же, заставив выключить свет в ресторане (для большей торжественности), выпить «лафетничек» водки с локтя, стоя за Россию? Разогнать унылых французишек из бассейна на их День независимости, элегантно свалившись пару раз с вышки, предварительно швырнув в водную гладь плавки, словно осколочную гранату? А приехать в родную редакцию на лошади? А сигануть с загипсованной ногой со второй палубы теплохода, подняв волну и килограмм восемь контуженной рыбы? Кто, если не мы, Александр? Это же воспитание в себе почти здорового чувства патриотизма. А патриотизм вредным не бывает. И, хотя эти милые шалости уже в прошлом, я уверен: пополнение коллекции не за горами.

Меринов в
Алексее

26 июля 2001г.